

для людей понимающих. . .

parlaq inzalari

Владелец книги: _____

Дата чтения: _____

Отдать сердечко:

РАДИ МАТЕРИ

ИЛЬГАР КАМИЛ

Перевод с азербайджанского:

Роман Агаев

Координатор: Аминь
Корректор: Анна НИКОЛАЕВНА КУЗЕМКИНА
Оконч. чтение: Илаха АХМЕДОВА
Верстка: Исмаил СУЛЕЙМАНЛЫ
Дизайнер: Байрам ГАФАРОВ

İlqar Kamil
ANAM ÜÇÜN

Ильгар Камил
РАДИ МАТЕРИ

Баку, Издательство “Парлаг Имзалар” – 2023, 240 стр.

© Ильгар Камил / 2023

© ООО Парлаг Имзалар / 2023

Все права защищены. Эта книга не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без разрешения правообладателя.

Издательство Парлаг Имзалар | 129

www.parlaqimzalar.az
info@parlaqimzalar.az
f @ /parlaqimzalar
0559697259 / 0559897259

Типография: ООО “АВЕ ПРИНТ”
Дата печати: 10.03.2023
Заказ: 04(11)/23

Содержание

Светлая комната	7
Хиджра	18
Сомнение	23
Загадка	37
Друг, как Аллах	45
Рассказ ни о ком	53
Настаран	73
Язык тоски	90
Танец грёз	115
Зеленый свет	128
Из одной клетки в другую	148
Догонялки	192
Конец пути	232

Светлая комната

*И в словах вечернего азана¹ муэдзина,²
Есть ты,
И в огрехах моих, и в правоте моей,
Есть ты,
И на коленях матери, на которые робко опускаю
голову,
Есть ты,
Есть! Ты!*

Отдаляюсь от себя к тебе...

Представьте себе некую сущность, о которой люди задумываются хотя бы раз за всю свою жизнь; то ли это врожденная нужда, то ли еще что-то, но все – от мала до велика – ищут ее, все стремятся к ней, но одну и ту же сущность каждый называет по-своему; чтобы созерцать ее, надо закрыть глаза, чтобы услышать ее, нужно замолчать – какое же трудное это дело, не так ли?

1 Азан – призыв к молитве (намазу).

2 Муэдзин – служитель при мечети, возглашающий с минарета о начале молитвы.

Расширьте свое воображение и представьте, что она есть везде: и в мареве над дорогами без конца и края в знойные августовские деньки, и в утреннем ветерке, проникающем на рассвете в комнаты сквозь открытые окна домов в прохладные весенние месяцы, и в нежных крылышках пестрых бабочек, остороженько садящихся на лепестки алых маков, и в жалобном звуке свирели пастухов, пасущих овец на склонах гор, и в каплях дождя, стекающих с канавок, и в аромате земли, окутывающем все вокруг после осадков... она есть и в будоражащих сердца стонах матерей, и в мудром молчании отцов; она есть и в смехе детишек, и во вздохе покаяния грешников... Ведь, кажется, утеряна она с концами из-за суровости людской; если вы посмотрите с вершины высокой горы, то увидите, что в вечернем сумраке все, словно муравьи, снуют налево и направо со светильниками в руках и с волнением ищут ее.

Цвета она белого – белейшего!

Те, кто, будучи пленниками красоты, жертвует ради нее всей своей жизнью, в свои последние деньки четко осознают, что на самом деле искомым была лишь Она!

Тыссс! Тихо! Выньте вату из ушей и внимательно прислушайтесь: слышите? Вот эти самые странные звуки – голоса говорящих от ее имени. Как вы и слышите, говорят они так,

как каждому выгодно: кто-то воспекает, кто-то осуждает, кто-то проклинает, и даже есть те, кто от ее имени повелевает, но встретиться с ней – вот это доводится не каждому!

Знайте и будьте осведомлены: Вот такая Я сущность!

Слишком кичливо сказал, не так ли? И сразу же вы захотели узнать: ну, ладно, тогда кто же я? Эхх, торопливые люди, если б не спешили, давно узнали бы!

* * *

Представьте себе нескончаемо долгую, холодную и длинную ночь в самый разгар зимы. И чтобы она была длинной, очень длинной. Например, как нескончаемые страдания горемычных обитателей какого-нибудь убогого дома. И даже накрывший черную землю белейший снег не в силах озарить мрак ночи. Даже лес в здешних местах, где заблудились отшельники, кажется редким, и ручей течет робко, и дороги прерывисты, словно воспоминания частично потерявших память пожилых людей, и улочки без освещения. Это – Азербайджан, далекая деревенька бедного городка. В этом селе дождь не идет, а льет, как из ведра, как слезы дитя-сироты, да и солнце от этой деревеньки поодаль – взойдет изредка или не взойдет вовсе. Если бы не вой шакалов время от времени, не лай заглушающих их собак, и не сказал бы, что в этой

деревне кто-то живет. Сейчас, вот прямо сейчас, кроме мерцающего лучика света всего лишь одной комнаты давно построенного, но все еще никак не отремонтированного дома, свет во всех домах села выключен.

Идет месяц поста.

Знали бы вы, свидетелями каких несчастных дней были эти голые, безмолвные стены светлой комнаты этого неотремонтированного дома, но я предпочитаю об этом молчать. Наверное, дальше Биньямин сам расскажет вам о некоторых вещах.

Биньямином зовут вот этого 18-летнего симпатичного молодого человека, совершающего омовение ледяной водой из-под крана старого бассейна во дворе дома. Ахх, как же мило звучит: Бинь-я-мин! Люблю я и прядь его каштановых волос, частенько спадающую на один глаз, и его посредственные карие глаза, блистающие из-под чубчика. Биньямин – дитё простое настолько, насколько и умное, храброе настолько, насколько и застенчивое. Немного строптив он, справедлив, даже его называют упрямым, как козел, но он сам это не приемлет, отвечая упрекающим его в неуступчивости так: «Просто у меня есть красные линии». Мне эта его особенность по душе, как и все его черты. Вот уже несколько лет как он получает религиозное образование в медресе в райцентре, расположен-

ном в десяти-пятнадцати километрах от села. А сейчас, в связи с каникулами по случаю поста, может, только лишь для того, чтобы впервые увидиться со мной, вернулся в свое село, к своей дорогой матери.

Осталось совсем чуть-чуть до утреннего азана, даже уже время азана настает, и, чтобы сообщить об этом матери, Биньямин, сломя голову, устремляется по ступенькам вверх, в сторону той самой комнаты, из которой идет свет. Я же говорил, что торопливость – одна из слабых черт вас, людей, вот и Биньямин из-за спешки падает; хоть и не ушибается, но все же задерживается тут минутки на две-три. Он встает и вновь спешит к матери и, войдя в комнату, видит, о, Боже, мать только что выпила лекарство, что держала в ладони. Биньямин, расстроившись, говорит:

– Мама, азан дан уже три минуты как, а ты пьешь лекарство только сейчас.

Мать не спешит, открыв дверцу печки, кочергой перемешивает пепел и, бросив в печку дров, медленно выпрямляет спину:

– Я знала, что дан азан, сынок, ничего страшного, за три минуты мир не перевернется.

– Как же ничего страшного?! – Биньямин не может скрыть насмешки. – По законам шарията, с едой-питьем надо заканчивать еще до утреннего азана!

– Но это ведь лекарство от сердца, мое умное дитё, не выпить нельзя, забыла я, вдруг вспомнила и сразу приняла, что же тут такого?

– Неет, мамочка, это неправильно, а чему я учусь столько лет? Твой пост нарушен!

Мать обеспокоена тоном голоса Биньямина: завидев, как младшая дочь Кямаля ёрзает в своей постели, она, приглушив голос, говорит:

– Не говори так, миленький, откуда же ты знаешь, что он нарушен?

Биньямин возмущается:

– Как это откуда знаю?! Странные вещи говоришь, ма...

– Но, ласковый мой, я держу пост вот уже двадцать четыре дня, и что теперь – из-за трех минут пост свести на нет? Разве не жалко? Ведь Он сам знает, как я нуждаюсь в этом лекарстве...

– Раз есть нужда, так надо было принять вовремя...

– Да, должна была, но не приняла, и что теперь делать, вылетело из головы, да ниспошлет Аллах мне смерть, совсем голову потеряла...

Хоть Биньямин и подавленно молчит, увидев, как расстроилась его мать, но все же чуткое материнское сердце не выдерживает:

– Бини, ты не волнуйся за меня, Аллах милосерден, иншаллах, пост не будет нарушен.

– Нуууу, мамочка, – снова горячится Биньямин, – ведь об этом говорит Аллах, тот самый

Аллах, кого ты называешь милосердным!!!

Слыша слово «Аллах», у матери где-то в сердце будто рвется тоненькая струна, но она берет себя в руки и с той же лаской дает очень трогательный ответ:

– Мое храброе дитя, да, таким может быть тот Аллах, о котором ты прочитал в книжках, но Аллах, которого я ощущаю в душе, не настолько мелочен!!!

* * *

Хоть такой категоричный ответ матери и встряхнул Биньямина, зато в ту ночь осчастливил меня как следует. Такое представление Аллаха устами этой мудрой матери очаровало меня. По правде говоря, я был в восторге и от самой матери – от этой прекрасной женщины по имени Пакиза. Еще и потому, что эта женщина с чистым сердцем, относящаяся к вопросу этих трех минут между ней и Аллахом с таким душевным спокойствием, даже к деньгам рабов Божьих относилась так же чутко и внимательно. Наверное, по этой причине самым часто употребляемым выражением в той светлой комнате было это: «Ни к чему нам хлеб неправедный, дитё мое, держись от этого подальше!» «Почему же, мамочка, люди на деньги, приобретенные нечестным путем, виллы отстраивают, кутят, а стоит нам положить глаз на чьи-то пять копеек, Аллах тут же нам боком их выводит, но

почему?!» – сказав такое, Биньямин как-то раз по-детски посетовал на слова матери. А мама Пакиза вновь, исполненная любовью, сказала: «Потому что Аллах нас очень любит, сынок, очень-очень!»

Пакиза была единственным жителем этой убогой деревеньки, кто видел Меня.

В свое время, когда трудолюбивый отец нарек Пакизу этим именем, быть может, и не думал о том, какую тяжелую ношу взваливает на плечи своей невинной дочери, но Пакиза смогла нести это ношу, это имя, и, несмотря на всю ту грязь, в которую хотела втянуть и втоптать ее жизнь, она сумела остаться чистой-пречистой. И снова вспоминаю скорбящие, но немые стены той светлой комнаты. Ахх, что только не перевидала эта женщина в той маленькой комнате, что только не пережила!!!

С рассветом один за другим начал зажигаться свет в окнах сельских домов. Первое «С добрым утром!» деревенскому люду пришло с го-лосящими петухами, и вслед за этим вместе со скотом в хлеву, курами в курятнике разыгралось и солнышко, и самое главное, что сегодня пост мамы Пакизы не был нарушен. И, наконец, может, вы в этой суматохе и не заметили, но именно этой ночью Биньямин впервые встретился со Мной!

Ведь солнечных дней в этой деревеньке вы-

падало не всякий раз, упустить возможность было нельзя, и потому Биньямин после того, как повожился во дворе и привел в порядок скот, направился в деревню по ее душу. Здравовался с каждым, кого встречал на своем пути, заговаривал и справлялся о здоровье. Ах, Аллах, разве может быть столько людей? Будто все, словно муравьи, ожидавшие окончания ночи, чтобы вылезти из своих норок, стекались на улицы, как только еле забрезжил рассвет. Кто подметал и поливал у своих ворот, кто на тележке выносил мусор, кто спорил, сбившись в кучки по углам, кто кричал на всю улицу, подзывая детей... Тетя Фируза вылила воду за только что тронувшимся с места старым красным автомобилем, наверное, отправлявшимся в дальний путь, и помолилась, а жалобы тети Гюльнисы начались уже с этой поры, и, конечно же, она снова ворчала на своего непутевого мужа за его спиной:

– Будь неладен тот, кто тебя мужиком кличет, если я еще и хлев чищу, то что же ты тогда за мужик такой...

Биньямин еще не понял, что к чему, а тут откуда ни возьмись выскочила Самая...

– Тьфу, Тьфу... чтоб не сглазить, Бини, – сказала она, окинув взглядом Биньямина с головы до ног. – Милый мой, добро пожаловать, как же ты ты возмужал...